

УДК 316.334.3:2

Е.М. Дринова

**Политическая модернизация и исламские партии:
тернистый путь к нелиберальной демократии**

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии; edrinova@mail.ru

В статье анализируется проблема совместимости религиозных и демократических ценностей в контексте политической модернизации стран Ближнего Востока и Северной Африки. Утверждается, что исламская система ценностей совместима с системой демократических ценностей. Показано, что политическая модернизация в исламских странах вызвала феномен нелиберальной демократии. Выявлены общие черты и страновые отличия, характерные для различных моделей нелиберальной демократии. Анализируется деятельность политических партий в Иране, Пакистане, Турции и Тунисе.

Ключевые слова: *политическая модернизация, нелиберальная демократия, политические религиозные партии.*

The article analyses the problem of compatibility of religious and democratic values in the context of political modernization in the Middle East and North Africa. The Islamic system of values is considered to be compatible with the democratic values. The author comes to the conclusion that political modernization in Islamic countries has caused the phenomenon of illiberal democracy. Common similarities and differences country by the various models of illiberal democracy are identified. The activity of the political parties in Iran, Pakistan, Turkey and Tunisia is analysed.

Keywords: *political modernization, illiberal democracy, political religious parties.*

Проблема совместимости ислама с идеями современной демократии сложна и неоднозначна. Мнения исследователей по этому вопросу весьма различны, а порой и попросту полярны. При этом в научной литературе прослеживаются два основных подхода. Согласно первому, исламская демократия уже существует, однако она по ряду параметров отличается от западной демократии. Американский политолог Ф. Закария называет ее нелиберальной демократией. Вместе с тем, как показали события последних лет, применительно к современному политическому процессу в странах Северной Африки и Ближнего Востока феномен нелиберальной демократии проявляется в том, что результатом политической модернизации становится приход к власти антидемократических сил. Несколько иной позиции придерживается ряд исламских исследователей. По мнению А. Филали-Ансари, процессы модернизации, охватившие исламские страны, оказали влияние на ислам и способствовали его реформированию. Реформа ислама была призвана очистить религиозные чувства и веру мусульман. Новый реформированный ислам может и должен заниматься социально-политическими проблемами, способствуя тем самым политической модернизации исламского общества в целом. Однако ислам никоим образом не должен быть единственным механизмом реформирования общества [1, с. 76–77].

Р. Ганнуши, тунисский политический религиозный деятель, сформулировал интересную и значимую идею: если под демократией понимается либеральная модель государственного устройства, преобладающая на Западе, то систему, при которой люди свободно выбирают своих представителей и лидеров, систему, в которой происходит чередование власти, а также соблюдаются все свободы и права человека, нельзя назвать

антиисламской. Р. Ганнуши уверен, что мусульмане могут использовать демократические инструменты, так как они не противоречат исламским принципам.

В рамках другого подхода, сторонниками которого, как правило, являются европейские мыслители и ряд исламских политических деятелей, утверждается идея полной несовместимости идей демократии и ислама. Так, по мнению Э. Геллнера, причины несовместимости исламских и демократических ценностей коренятся исключительно в трансцендентной и политической сферах. Суть проблемы заключается в том, что основу религии составляет вера, которая является иррациональной по своей сути. Что же касается такого феномена, как трансцендентное, то его никоим образом нельзя подвергнуть модернизации [2, с. 20–22]. Ф. Кедури, американский исследователь политических проблем в арабских странах, полагает, что ценности ислама и демократии в корне несовместимы и более того, глубоко чужды мусульманской политической традиции. Близкой точки зрения придерживается С. Наср, известный иранский философ. По его мнению, политическая модернизация ослабила не только традиционные исламские институты, но и основы изначальной исламской традиции. Модернизация стала реформацией для ислама, она привела к секуляризации, а затем и к падению уровня духовности в исламском мире. По мнению С. Насра, давление, которое оказывает модернизация на ислам, является разрушительным для религии. Так утверждается идея, что восстановление традиционного ислама может быть лучшей защитой от модернизации. Иранский философ считает, что это восстановление возможно только на интеллектуальном уровне. Именно по этой причине религиозные традиции, а не модернизация, являются единственным путем морального и духовного прогресса [5, с. 75].

Следует отметить, что мусульмане, которые длительное время проживают в странах Западной Европы, также придерживаются разных взглядов на эту проблему. Так, например, представители политической элиты европейских мусульман считают, что ислам не противостоит идеям либерализма. Более того, ислам должен быть интегрирован в систему либеральных ценностей Западной Европы. По мнению исламских деятелей, современный ислам должен быть более гибким, что поможет ему приспособиться к идеям западной демократии. Следует отметить, что в Германии о совместимости исламских и демократических ценностей свидетельствует и тот факт, что в стране была зарегистрирована первая исламская партия, представляющая интересы своего электората – мусульман. Малочисленной является вторая группа мусульман – исламисты, которые придерживаются ортодоксальных взглядов и считают необходимым создать в Западной Европе халифат [3, с. 45].

По нашему мнению, угрозу для развития идей либерализма в исламской среде представляет ряд факторов, к числу которых следует отнести процессы самоидентификации, которая у мусульман происходит на конфессиональной основе, и то, что ислам является важным источником политической мобилизации. Процессы политической модернизации в исламском мире проходили неоднозначно и имели специфику той или иной страны. Однако можно выделить одну общую черту политической модернизации, характерную для стран исламского мира, которые встали на путь развития демократии. Политическая модернизация как переход к демократии сопровождалась в странах Ближнего Востока, Северной Африки, а также в современной России в начале 90-х годов прошлого века активной деятельностью политических религиозных партий. Таким образом, политическая модернизация стала фактором политизации религии и способствовала появлению феномена нелиберальной демократии.

Следует отметить, что нелиберальная демократия имеет как общие, так и специфические черты в каждой отдельно взятой стране. В числе общих черт мы выделяем сле-

дующие: в стране реально или формально существуют институты демократии, однако их деятельность способствует приходу к власти фундаменталистов. Вместе с тем в каждой отдельной стране существует политическая и этноконфессиональная специфика. Так, например, особенность нелиберальной демократии в Иране заключается в том, что в стране существует авторитарная форма правления, основанная на теократических принципах, которая вполне сочетается с функционированием демократических институтов (президент, парламент). После революции 1979 года, которая привела к свержению светского режима шаха, в стране была образована Исламская Республика Иран, основанная на законах шариата. Как отмечает Т.Э. Кафаров, «...центральная идея шариата заключается в строгом соблюдении установленных дозволений и запретов, которые не могут быть нарушены ни властями при принятии законов, ни людьми в их действиях» [9, с. 77]. Законы шариата регулируют экономическую, политическую, социальную и личную жизнь мусульманина от его рождения до смерти.

По инициативе духовного лидера мусульман Р. Хомейни в стране была создана политическая партия – «Партия Исламской Республики». Шиитское духовенство составляло электорат партии. Основной целью партии декларировалось создание исламской республики. Спустя десять лет, после того как партия выполнила свою миссию, она прекратила свою деятельность. Следует отметить, что активное формирование партийной системы в Иране началось после того, как вступил в действие закон о партиях.

Несмотря на то, что в Иране сильны политические традиции, заложенные Р. Хомейни, на политической арене появляются умеренные реформаторы-демократы, которые кропотливо делают свое дело. В результате на смену консервативным исламским партиям приходят умеренно-демократические партии. Крупным иранским реформатором был М. Хатами, он выступал сторонником демократических преобразований, его часто сравнивали с Горбачевым. М. Хатами считал, что существуют различные формы демократического государства. Что же касается демократии, то она понималась политическим деятелем предельно широко: это могла быть либеральная или социалистическая система, либо система, основанная на религиозных правилах, нормах и законах. Государство, основанное на законах шариата, может быть демократическим. М. Хатами был защитником именно такой формы исламской демократии. По его мнению, в современном мире большинство демократических государств страдает, по большому счету, от вакуума духовности. Ислам как кладезь духовности имеет все возможности для того, чтобы объединить демократию и систему религиозных ценностей. М. Хатами дважды побеждал на выборах и возглавлял умеренно-реформаторское движение, к которому относились партии, умеющие сочетать либеральные идеи и прагматические элементы [14].

В современном Иране активно действуют консервативные партии, которые выступают за сохранение ценностей исламской революции, государственное управление страной под руководством шиитского духовенства. Особенность процесса конфессионального партийного строительства в Исламской Республике Иран заключается в том, что на смену многопартийной системе, которая существовала в самом начале революционных преобразований в стране, пришла однопартийная система, которая с течением времени сменилась вновь многопартийной системой.

Особенность политической модернизации в таких ближневосточных странах, как Турция, Сирия, Тунис, Египет, проявилась в том, что в результате западной «прививки» демократии эта часть исламского мира встала на путь демократических преобразований. В итоге роль и место религии в политической сфере частично были ограничены. На политической арене этих стран были сформированы и активно действовали светские

партии. Что же касается исламских партий, то они, как правило, длительное время находились в оппозиции правящему режиму.

В начале XXI в. ситуация в этих странах качественно изменилась. В настоящее время правящей партией в Турции является исламская «Партия справедливости и развития». Партия долго и упорно шла к власти. Фундамент демократической исламской «Партии справедливости и развития» составляют идеи свободы и демократии. Партия рассматривает свободу как гарантию демократизации страны. Что же касается религии, то, как отмечается в программе партии, она представляет собой один из самых важных социальных институтов турецкого общества. При этом следует отметить, что партийные лидеры уважают принципы атеизма. Атеизм позволяет комфортно жить неверующим, а гражданам, которые придерживаются каких-либо религиозных взглядов, позволяет исповедовать свою религию. С такой точки зрения атеизм рассматривается как принцип свободы и социального мира. В партийной программе заявлено, что «Партия справедливости и развития» отказывается использовать в своих интересах и политических целях священные религиозные ценности и этническую принадлежность. Вместе с тем заканчивается партийная программа обращением к Аллаху как помощнику в деле строительства демократической Турции [13].

Следует отметить, что специфика современного политического процесса в Турции заключается в том, что наблюдается активное противостояние правящей демократической исламской «Партии справедливости и развития» и светской оппозиционной «Народно-республиканской партии». Длительное время военные и лидеры «Народно-республиканской партии» боролись за отстранение от власти действующего исламского премьер-министра Р. Эрдогана, основателя «Партии справедливости и развития». В 2008 г. они пытались судебным решением запретить деятельность правящей религиозной партии. В 2012 г. лидеры оппозиционной «Народно-республиканской партии» вновь предприняли попытку отстранить от власти исламского премьер-министра, обвинив его в предательстве и лоббировании интересов других стран. Однако эти попытки не увенчались успехом. В свою очередь, президент Турции ведет курс на полное отстранение военного истеблишмента страны от внутривнутриполитического процесса. Таким образом, в начале XXI в. Турция продолжает оставаться «расколотым государством»: с одной стороны, для нее характерна светская модель государственного устройства, но с другой стороны, страна не избежала отступления к традиционным исламским ценностям.

В начале XXI в. произошли серьезные изменения и в политической системе Пакистана. В 2002 г. президент страны П. Мушарраф сформировал «Пакистанскую мусульманскую лигу» (Pakistan Muslim League). В программе партии отмечался такой важный аспект, как развитие идей демократии в Пакистане. В современном Пакистане должна развиваться демократическая культура, а основные демократические ценности выражаются в обязательствах и политике, которую проводит «Пакистанская мусульманская лига». В партийной программе отмечается, что преобразования в Пакистане возможны только при течении стабильного демократического процесса в стране, что, в свою очередь, связано с деятельностью демократических институтов во всех сферах национальной жизни.

Лидеры Лиги неоднократно заявляли, что усиление демократических ценностей и прав человека является основой справедливого и плюралистического Пакистана. При этом отмечалось, что препятствием к развитию страны и причиной бедности является коррупция. «Пакистанская мусульманская лига» объявила своей приоритетной целью борьбу с крупномасштабной коррупцией в государстве, для этого экспертам предлага-

лось взять под строгий контроль всю систему государственных организаций и учреждений. Приоритетной целью объявлялось и образование, так как оно являлось главным в строительстве нового общества. Партия гарантировала свободное получение универсального начального образования. Важной целью партии была борьба с бедностью. В программных документах партии отмечается, что более 50 млн граждан Пакистана живут в крайней нищете. Поэтому необходимы развитие аграрного сектора экономики, усиление сельской инфраструктуры, рост аграрного бизнеса, высокий уровень жизни для фермеров, сельскохозяйственных рабочих и их семей.

Значимое место «Пакистанская мусульманская лига» уделяла защите женских прав, отмечалась необходимость участия женщин в государственном строительстве. Из действующего законодательства были удалены статьи по дискриминации женщин. В стране были разработаны программы по защите женщин и девочек от насилия. Государственной задачей объявлялось спасение жизней женщин и детей (в Пакистане существуют высокая материнская смертность и смертность младенцев до года). «Пакистанская мусульманская лига» разработала программу по демографической политике. В программе отмечалось, что демографический взрыв является главной причиной безработицы, социальных конфликтов, бедности и терроризма. Поэтому важным направлением новой демографической политики провозглашалось развитие услуг по планированию семьи. Впервые в программе партии были обозначены права пакистанцев, которые не исповедуют ислам. Отмечалось, что представители других религий обладают всеми теми правами, что и мусульмане Пакистана. Эти граждане имеют полную свободу вероисповедания, могут открыто выражать свои религиозные и культурные взгляды. В свою очередь партия признает их вклад в государственное развитие страны [12].

Однако в общих чертах программа «Пакистанской исламской лиги» повторяла основные идеи «Пакистанской народной партии», основанной в свое время Зульфикаром Бхутто. После того как П. Мушарраф вынужден был подать в отставку, президентом Пакистана стал А. Зардари, один из политических лидеров «Пакистанской народной партии». Эта партия занимала значимое место на политической арене Пакистана. Политическую платформу «Пакистанской народной партии» составляли система традиционных исламских ценностей и ориентация на демократическую форму правления. В программе партии была обозначена ее основная цель – создание эгалитарного общества, в котором все его члены должны обладать равными возможностями по управлению и иметь доступ к материальным благам.

«Пакистанская народная партия» была создана для промышленных и сельскохозяйственных рабочих, чернорабочих. При этом отмечалось, что интересы этих людей являются приоритетными для партии. В Манифесте партии (2013 год) были определены ее основные принципы: ислам, демократия, социальная справедливость и терпимость ко всем религиям, которые позволяют всем гражданам наслаждаться религиозной свободой. В экономической сфере была разработана программа, ориентированная на самых уязвимых членов общества, предполагалось, что они могли бы заниматься предпринимательством. В медицинской сфере были разработаны программы по медицинскому обслуживанию, по поддержке семьи и женщин. Партия уделяла и продолжает уделять большое внимание участию женщин и молодежи в политике. Следует заметить, что сегодня в Пакистане более 60 % населения составляет молодежь до 30 лет. Благодаря усилиям «Пакистанской народной партии» был создан Молодежный Парламент. Партия считает важной задачей строительство нового многоэтнического, мультирелигиозного общества, которое сможет противостоять экстремистскому мышлению.

Особенность внутривластного процесса в Пакистане заключается в том, что на политической арене активно действуют «Пакистанская мусульманская лига» и «Пакистанская народная партия». Одна партия представляет интересы военных, вторая – гражданских лиц. Следует отметить, что становление нелиберальной демократии в Пакистане обусловлено отчасти такими же проблемами, как и в Турции. Неспособность Пакистана развивать стабильную демократию связана в первую очередь с активным вмешательством военных лидеров во внутривластный процесс страны.

В Северной Африке, в странах Магриба политическая модернизация оказала существенное влияние на ислам и способствовала секуляризации общества. Так, в Тунисе результатом модернизации стал отход от религиозной модели государства и переход к демократической. В стране была принята демократическая Конституция, положения которой ничем не отличались от законов и положений ряда европейских государств. В 80-е годы XX века в Тунисе был принят «Кодекс гражданского состояния», согласно которому в стране официально было запрещено многобрачие, женщины получили равные права с мужчинами, в т. ч. и право на развод. Более чем 50 % женщин получили возможность учиться в университетах. Женщины стали служить в вооруженных силах. В результате социальных реформ были запрещены суды шариата, установлено светское судопроизводство.

Затем в 90-е годы XX века в Тунисе начался рост исламских организаций и партий. Исламская партия «Ан-Нахда» выступала за создание исламского государства. Правительство запретило деятельность партии, а ее лидера Р. Ганнуши выслало из страны. Следует отметить, что в 90-е годы тунисское руководство сумело интегрировать часть умеренных исламистов в государственно-политическую систему: оно предложило известным деятелям исламской оппозиции войти в состав Высшего исламского совета и Социально-экономического совета [7, с. 130–131]. По инициативе президента Туниса был подписан «Национальный пакт», в котором подчеркивалась принадлежность Туниса к исламской цивилизации, но при этом подтверждались все демократические преобразования и «Кодекс гражданского состояния». Длительное время в Тунисе действовала многопартийная система во главе с доминирующей светской партией «Конституционно-демократическое объединение», председателем которой был президент Туниса Зин аль-Абеддин Бен Али. Следует отметить, что в парламенте Туниса исламские партии представлены не были.

В начале XXI в. волна арабских революций прокатилась и по Тунису. В 2010 г. в стране был свергнут президент Зин аль-Абеддин Бен Али, который находился у власти 23 года. В стране произошли политические реформы: были выпущены политические заключенные и разрешена деятельность более чем 100 политических партий. После двадцати лет изгнания в страну вернулся Р. Ганнуши, лидер партии исламских фундаменталистов «Ан-Нахда». В октябре 2011 г. в стране прошли выборы, на которых победила партия «Ан-Нахда». Партия набрала 40 % голосов и получила право сформировать правительство. Лидеры партии хотели создать коалиционное правительство и работать со светскими партиями. По мнению лидеров «Ан-Нахды», одной из самых больших ошибок режима Бен Али было исключение ислама из политической жизни. Ведь ислам представляет собой набор ценностей и образ жизни, а не только религию.

«Ан-Нахда» стала первой исламской партией Туниса, которая сформировала правительство. В партийном уставе партии отмечается, что «Ан-Нахда» является национальной исламской партией, которая действует в рамках демократической системы. Лидеры «Ан-Нахды» предложили положить законы шариата в основу тунисского законодательства, но этот факт вызвал возмущение в демократических фракциях парламен-

та [6]. Сегодня политическая ситуация в Тунисе отчасти напоминает ситуацию в Турции. В обеих странах длительное время у власти находились светские политические партии, а исламские партии были в оппозиции. В Тунисе исламские партии не были адаптированы к демократическим традициям, но в свете последних революционных событий они активно стремятся к сотрудничеству со светскими политическими партиями. Явную угрозу «нелиберально демократическим» преобразованиям в стране представляют ортодоксальные салафиты.

Аналогичная ситуация сложилась в Египте. После падения светски ориентированного режима Х. Мубарака к власти пришли «Братья-мусульмане», движение, которое пользовалось большой поддержкой со стороны среднего класса страны и имело в своем составе более 700 тысяч человек. В результате выборов к власти пришел М. Мурси, политический лидер «Братьев-мусульман». На парламентских выборах в 2012 г. большинство голосов (47 %) получили «Братья-мусульмане», четверть мест получила коалиционная группировка радикально настроенных салафитов, а остальные места поделили между собой независимые кандидаты и копты-христиане. Согласно новой Конституции, Египет был провозглашен демократическим государством, но законы шариата стали определять правовое поле страны.

Как показывает практика, со временем длительно существующие радикальные исламские организации начинают постепенно внедрять в свою политическую деятельность демократические ценности, но только после того как начинают входить во властные государственные структуры. Так было с «Ан-Нахда» в Тунисе и с «Братьями-мусульманами» в Египте. Впервые в новейшей истории Египта был создан прецедент – президентом страны был всенародно избран лидер «Братьев-мусульман» М. Мурси. Особенность внутривластного процесса в стране заключалась в том, что наряду с умеренными религиозными движениями в Египте активно действовали радикально настроенные исламские партии. В парламенте Египта проходили бурные политические схватки между «Братьями-мусульманами» и радикально настроенной партией салафитов «Нур». Как отмечает Х.М. Малик, партия салафитов «Нур» активно выступала против создания светского демократического государства в Египте, создание которого активно поддерживало движение «Братья-мусульмане» [10]. Однако противостояние между умеренными и радикальными исламскими политиками продолжалось недолго.

В 2013 году военные отстранили законно избранного президента Египта М. Мурси. Следует отметить, что сразу после этих событий Египет получил финансовую помощь от государств Персидского залива в размере 12 млрд долларов [11]. Как показало время, военные отработали полученные деньги, движение «Братья-мусульмане» вновь оказалось вне закона, а хрупкая нелиберальная демократия в Египте была повергнута.

Приход к власти исламских партий умеренного и радикального толка в начале XXI века обозначил новые тенденции политической модернизации в исламском мире. Во-первых, религиозные партии предприняли попытку создания коалиционного правительства, в которое входили как светские, так и религиозные партии. Во-вторых, результатом политической модернизации является попеременное доминирование во внутривластном процессе то умеренных, демократических исламских партий, то радикальных исламских партий. Третья тенденция заключается в активном политическом противостоянии религиозных и светских партий и стремлении религиозных партий к тотальному доминированию.

Опросы, проведенные в странах Ближнего Востока, показали, что большая часть мусульманской общественности положительно относится к участию религиозных партий в политике. Так, например, в Пакистане 46 %, в Египте 48 % мусульман считают,

что ислам играет большую роль в политической жизни страны. Несколько иная ситуация в Индонезии и в Нигерии. В Индонезии 89 %, а в Нигерии 88 % населения считают, что ислам оказывает значительное влияние на политику своей страны. Подавляющее большинство опрошенных мусульман в Нигерии – 82 % – приветствуют участие ислама в политике своей страны. В Индонезии 91 % населения считают, что религия играет позитивную роль в политике.

Следует отметить, что турецкие мусульмане не столь категоричны: 69 % населения считают, что религия играет большую роль в политике, из них 45 % считают, что ислам играет позитивную роль в политике, а 38 % полагают, что ислам оказывает негативное влияние на политический процесс в Турции. Только 31 % населения считает, что ислам играет небольшую роль в политике. Из них 26 % считают роль ислама позитивной и 33 % говорят о его негативном влиянии на политику Турции.

Большая часть мусульман относится позитивно к демократической форме правления, считая, что она предпочтительнее любой другой. Эта точка зрения особенно распространена в Ливане и Турции, где 81 % и 76 % мусульман отдают предпочтение демократическим партиям. Поддержка демократических партий менее распространена в Пакистане. Только 42 % опрошенных мусульман в Пакистане предпочитают демократию. 15 % пакистанских мусульман считают, что в некоторых случаях недемократическое правительство может быть предпочтительнее, чем демократическое [4].

В России в конце XX века тоже были попытки создания партий религиозного толка. Политическая модернизация общества, формирование в стране институтов демократии, гражданского общества и поиск новой государственной идеологии привели к возрождению традиционных для России религиозных верований. Обозначенные выше процессы способствовали включению конфессионального начала в политическую жизнь страны. Следует отметить, что переход от тоталитаризма к демократии по большей части сопровождается всплеском национализма различной степени и глубины. Соединение идей позитивного или экстремистского национализма с идеями религиозного возрождения в современной России тоже активно способствовало появлению религиозных партий. Политические исламские партии активно действовали в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Татарстане. Когда деятельность религиозных партий стала угрожать безопасности страны, они были запрещены законодательно, таким образом восторжествовал принцип светского государства, в котором религия является частным делом каждого.

Такова сегодня в общих чертах сложная палитра модернизационного процесса в современном исламе. Как будут развиваться заложенные сейчас тенденции этого процесса в будущем, зависит от многих факторов и обстоятельств, в том числе и от развития и функционирования институтов демократии и экономик самих исламских государств. Политические процессы в религиозной сфере будут зависеть и от общего положения политического и социально-экономического развития современного мира.

Литература

1. *Abdou Filali-Ansary*. Islam and Liberal Democracy: The Challenge of Secularization. // *Journal of Democracy*. – 1996. – № 7. – P. 76–77.
2. *Gellner E.* Postmodernism, reason and religion. – N. Y., 1992. – P. 20–22.
3. *Klausen J.* Islamic Challenge: Politics and Religion in Western Europe. – N.Y., 2005. – P. 45.
4. Muslim Publics Divided on Hamas and Hezbollah Most Embrace a Role for Islam in Politics <http://www.pewglobal.org/2010/12/02/muslims-around-the-world-divided-on-hamas-and-hezbollah/>

5. *Nasr S.X.* Traditional Islam in the Modern World. – London, 1990. – P. 75
6. CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress Political Transition in Tunisia Alexis Arieff Analyst in African Affairs June 18, 2012 <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21666.pdf>
7. *Долгов Б.В.* Демократия и исламизм в арабских странах (Алжир, Тунис, Египет) // *Полития.* – 2007. – № 7. – С. 130–131.
8. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М., 2004.
9. *Кафаров Т.Е.* Принципы этики ислама: нравственный ориентир для мусульманина // *Исламоведение.* – 2010. – № 2.
10. *Малик Х.М.* Особенности религиозной ситуации в постреволюционном Египте // *Исламоведение.* – 2012. – № 2.
11. Помощь Египту Персидского залива в \$ 12 млрд рассматривается как «спасательный круг», но не является панацеей / Режим доступа: <http://english.alarabiya.net/en/business/economy/2013/07/11/Gulf-s-12bn-aid-to-Egypt-seen-as-lifeline-not-a-cure.html>
12. Программа Пакистанской мусульманской лиги. Режим доступа: <http://pml.org.pk>. – Загл. с экрана.
13. Программа Партии справедливости и развития. Режим доступа: <http://www.akparti.org.tr/english/akparti/parti-programme>
14. *Хатами С.М.* Традиция и мысль во власти авторитаризма. – М., 2001. – 228 с.

Поступила в редакцию 23 ноября 2013 г.